

Глава 22

Паланкин тронулся, и Ле Тянь, качнувшись вместе с ним, наконец пришёл в себя.

— Он... он... — заикался он от изумления в своём сознании. — Он что, лицо себе перекроил?

В памяти прежнего владельца тела об этом человеке не осталось ни следа.

[Когда ты отдал приказ о его устранении, он был всего на два года старше нынешнего Цзун Яня]

На вид Хань Ци было лет восемнадцать. Выходит, с тех пор минуло пять или шесть лет — неудивительно, что детские черты стёрлись, уступив место облику взрослого мужчины.

Ле Тянь долго не мог вымолвить ни слова. Погрузившись в глубокое раздумье, он наконец сокрушённо вздохнул:

— Так что же, у меня теперь сразу два сына?!

Система: [...Пусть будет так, раз тебе так хочется]

Линь Ле Тянь ради воцарения Цзун Яня вложил всю душу и обагрил руки кровью по локоть. Он планомерно вырезал всех братьев юного монарха, и Седьмой принц — Хань Ци — судя по всему, оказался досадной ошибкой, той самой рыбой, что сумела проскользнуть сквозь ячеи сети.

Мать Седьмого принца умерла рано, заступиться за него при дворе было некому. Линь Ле Тянь, вступив в сговор с Управлением астрономии, обманом убедил покойного императора, будто сын его отмечен зловещей печатью судьбы, сулящей гибель обоим родителям. Старый правитель, недолго думая, сослал мальчишку в какое-то захолустье на окраине империи, выставив его прочь из столицы.

Но временщик, снедаемый жестокостью, на этом не остановился. Желая искоренить самую возможность угрозы, он подослал убийц, чтобы те перехватили Седьмого принца в пути.

Кто бы мог подумать, что тот выживет, сменит имя и, затаившись под личиной Хань Ци, вернётся, чтобы служить своему палачу.

Ле Тянь невольно вздрогнул.

«Он ведь... он ведь пришёл мне мстить?»

[А ты как думаешь?]

— О небеса! — Ле Тянь в паланкине покрепче обхватил руками свои худые плечи. — Это же... это же самый классический сюжет из Мира романтики!

Ещё в прошлом мире Ле Тянь сошёлся с Системой во мнении: в старых добрых историях любовь главных героев немыслима без кровной вражды.

— Глубокая! Любовь! Через страдания! — Ле Тянь декламировал с пафосом, драматично прижав ладонь к груди, подобно Си Ши в минуты недуга. — Хань Ци, желая отомстить, непременно заточит меня в темницу, будет стегать плетью и нещадно попирает мою честь. Он изнурит моё тело и истерзает душу, пока я не превращусь в жалкое подобие человека!

Система: [Прошу тебя, приди в себя. Ты — мужчина, и он — мужчина. У вас тут не женский роман]

Ле Тянь мгновенно сменил маску, расплывшись в ехидной ухмылке:

«Наконец-то ты признала, что мы находимся внутри истории о мужской любви»

Система: [...]

[Считаю нужным напомнить: смерть Линь Ле Тяня наступила именно от рук Хань Ци]

Ле Тянь лишь хихикнул:

— Какое отношение имеет смерть Линь Ле Тяня к моему светлому будущему?

Система: [Поясница уже не болит?]

Забывая на миг боль тут же напомнила о себе. В поясницу словно впилось острое шило, и Ле Тянь исказился в лице, а Система довольно замигала сбойщим кодом.

Восточная Ограда располагалась неподалёку от императорского дворца. Хань Ци мерил шагами путь, с каждым мгновением приближаясь к залам, где когда-то жил сам. Он всё крепче сжимал древко фонаря, и в полумраке его лицо казалось пугающе холодным.

Завидев паланкин Девятитысячелетнего, дворцовые служанки издали склонились в изящных поклонах. Каждая из них дрожала от страха, и этот вид вернул мужчине самообладание.

Какой бы сильной ни была его ненависть, человек в паланкине оставался опасным

противником. Седьмой принц потратил слишком много сил, создавая себе ложное имя, чтобы выдать себя сейчас. Он обязан быть спокойным, обязан казаться равнодушным, иначе любая оплошность перечеркнёт годы подготовки.

Внутри паланкина Ле Тянь, кривясь и стискивая зубы, баюкал свою ушибленную поясницу. Он боялся даже охнуть, лишь бы никто снаружи не почуял неладное.

Хань Ци и в страшном сне не могло привидеться, что грозный временщик на самом деле — не более чем симулянт.

— Ваше Тысячелетие, мы прибыли к Дворцу Пурпурного Небосвода.

Ле Тянь поспешно выпрямился, разгладил складки на своём парадном одеянии и обратился к Системе.

«Всё в порядке? Выгляжу естественно?»

[Вполне. Твоё изящество граничит с женственностью, но в меру]

Ле Тянь: [...]

«Ну и ладно»

Хань Ци отступил на полшага и приподнял полог. Вероятно, из-за тепла, скопившегося в паланкине, на бледных щеках Линь Ле Тяня проступил едва заметный румянец. В неверном свете фонарей он казался ослепительно прекрасным, словно пион в лунную ночь. Гвардеец бросил лишь мимолётный взгляд и тут же отвернулся, внутренне содрогаясь от омерзения.

«Пагубная красота, ведущая страну к краху»

Цзун Янь, прознав о возвращении Линь Ле Тяня, от радости позабыл о трапезе. Отбросив нефритовые палочки, он со всех ног бросился навстречу, а Чжу Чучу едва поспежала за ним.

— Малыш Линь!

Услышав этот звонкий оклик, Хань Ци обернулся. Перед ним стоял единственный оставшийся в живых сородич — нынешний император Цзун Янь.

Лицо юного монарха сияло, словно распустившийся цветок. Не сбавляя хода, он с разбегу уткнулся Ле Тяню в грудь.

Тот невольно охнул — раненая поясница отозвалась резкой болью, но он сдержался. На губах его по-прежнему играла мягкая улыбка.

— Ваше Величество, соблюдайте приличия.

— Малыш Линь, ты же говорил, что слишком устал и не вернёшься во дворец! — Цзун Янь крепко обнимал Ле Тяня. Казалось, за его спиной вот-вот завилает невидимый хвост. Он смотрел на временщика сияющими глазами, будто вся радость уходящего дня сошлась для него в этой минуте.

«Чёрт, какой же он милашка»

Ле Тянь теперь в полной мере понимал слепо любящих родителей — когда дитя такое очаровательное, ругать его просто не поднимается рука.

Он слегка склонился и нежно поправил прядь волос на виске государя.

— Ваше Величество, до раба дошли вести, будто вы прогнали почтенных наставников Яна и Э. Это правда?

— Они наводят тоску, с ними неинтересно, — Цзун Янь взял Ле Тяня за руку, собираясь увлечь его во внутренние залы. — Малыш Линь, пойдём, ты прислужишь мне за ужином. Чучу такая неуклюжая.

Девушка стояла поодаль, бросая на Ле Тяня жалобные взгляды. Нрав Цзун Яня был капризным, и сегодня ей досталось немало придинок.

Временщик не тронулся с места. Император потянул сильнее, но, не сумев сдвинуть его, с недоумением обернулся.

Ле Тянь втайне тяжело вздохнул. Перед ним был маленький хищник, окончательно испорченный прежним хозяином этого тела.

Хань Ци наблюдал за этой сценой, и сердце его обливалось кровью. Видеть, как его брат признаёт врага за отца — не было муки горше. Он клялся себе, что рано или поздно предаст этого евнуха тысяче казней.

— Ваше Величество, — Линь Ле Тянь стоял в свете фонарей. В просторной лисьей шубе его хрупкая фигура казалась почти невесомой. Он мягко улыбался, и в глазах его светилась нежность. — Вы уже выросли, вам не должно быть столь своенравным.

Монарх закусил губу, не понимая, к чему этот упрёк.

— Малыш Линь, но ведь ты сам говорил мне: когда я взойду на трон и стану императором, я смогу делать всё, что пожелаю, и никто не посмеет мне указывать!

Ле Тянь ужаснулся.

«Что за речи тирана! Сынок, замолчи немедленно!»

Улыбка в глазах Ле Тяня слегка померкла.

— Если правитель не обладает сердцем Яо и Шуня, он лишь тень государя; если подданный не обладает сердцем И Иня или Чжоу-гуна, он лишь тень слуги. Ваше Величество желает, чтобы имя раба осталось в летописях запятнанным вечным позором?

Услышав это, Цзун Янь лишь растерянно моргнул, а вот его брат невольно вздрогнул. Он по-новому взглянул на Линь Ле Тяня: тот держался прямо, взор его был ясен, и в нём не было и тени той коварной злобы, которую Хань Ци привык ему приписывать. Тот тут же опустил голову, подумав про себя, что скопцы — великие мастера притворства и их ни в коем случае нельзя недооценивать.

Тот так и не уловил сути наставления, но понял одно: Малыш Линь рассержен. У его любимца был чудесный нрав, он редко выказывал недовольство, и теперь император поспешил загладить вину. Он снова прильнул к Ле Тяню, ластясь к нему, точно щенок.

— Малыш Линь, не сердись, я всё понял. Я был неправ.

— Император не может быть неправ, — Ле Тянь ласково коснулся уха Цзун Яня и прошептал: — Просто наставники Ян и Э не смогли угодить Вашему Величеству. Поэтому раб нашёл вам нового учителя.

Он вскинул взгляд на Хань Ци. Вся теплота мгновенно исчезла из его глаз, сменившись ледяным безразличием омута.

— Подойди, — велел он холодно.

От прежнего расположения не осталось и следа.

Сотник сделал шаг вперёд, подавляя волнение.

— Сотник Гвардии в парчовых одеждах Хань Ци приветствует Ваше Величество.

Государь даже не удостоил его взглядом. Он всё так же преданно обнимал Ле Тяня, ожидая

продолжения.

— Хань Ци искусен в ратном деле. С завтрашнего дня он останется во дворце, дабы обучать Ваше Величество боевым искусствам, — Ле Тянь негромко кашлянул, и лицо Цзун Яня тут же выразило крайнюю тревогу. Пользуясь моментом, Линь Ле Тянь добавил: — Не заставляйте раба волноваться о вашем здоровье, хорошо?

— Хорошо, я исполню твою волю. Но и ты, Малыш Линь, должен пообещать мне одну вещь, — император хитро улыбнулся. — Этой ночью ты будешь спать со мной!

Мужчина резко вскинул голову. В его глазах вспыхнула такая жажда крови, что скрыть её было почти невозможно.

<http://bllate.org/book/15325/1412392>